

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-92-98
УДК 172.3(045)

Фундаментализм: научный термин или пейоративный ярлык? О некоторых аспектах неакадемического применения термина

А.В. Волобуев

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена критическому анализу обоснованности расширенного применения термина «фундаментализм» преимущественно в неакадемических источниках. В последние десятилетия фундаментализмом называют широкий круг общественных явлений и идеологий, которые на поверку оказываются консервативными, а ярлык фундаментализма работает в качестве возможности придать предмету полемики негативную коннотацию, которая сформировалась у широкого круга людей в силу борьбы с радикальными террористическими группировками, некоторые из которых и в самом деле исповедовали идеологию исламизма. Автор проводит социально-философский анализ феномена фундаментализма, проводя четкую и обоснованную грань, очерчивающую объем понятия и позволяющую отделить его от поверхностно схожих явлений, например, консерватизма.

Ключевые слова: фундаментализм; салафизм; ваххабизм; религия; философия религии; социальная философия; политическая философия

Для цитирования: Волобуев А.В. Фундаментализм: научный термин или пейоративный ярлык? О некоторых аспектах неакадемического применения термина. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(3):92-98. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-92-98

ORIGINAL PAPER

Fundamentalism: A Scientific Term or a Pejorative Label? On Some Aspects of the Non-Academic Use of the Term

A.V. Volobuev

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to a critical analysis of the validity of the extended use of the term “fundamentalism” mainly in non-academic sources. In recent decades, fundamentalism has been used to refer to a wide range of social phenomena and ideologies that turn out to be conservative upon examination, and the label of fundamentalism serves as an opportunity to give the discussed subject a negative connotation that has formed among a wide range of people due to war on radical terrorist groups, some of which actually professed the ideology of Islamism. The author conducts a socio-philosophical analysis of the phenomenon of fundamentalism, drawing a clear and justified line that outlines the scope of the concept and allows it to be separated from superficially similar phenomena, such as conservatism.

Keywords: fundamentalism; salafism; wahhabism; religion; philosophy of religion; social philosophy; political philosophy

For citation: Volobuev A.V. Fundamentalism: A scientific term or a pejorative label? On some aspects of the non-academic use of the term. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(3):92-98. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-92-98

ВВЕДЕНИЕ

Применение понятия «фундаментализм» в академических и публицистических источниках вышло за рамки обозначения специфического типа религиозной доктрины или движения, пишут о политическом фундаментализме, экономическом фундаментализме [1], культурном фундаментализме, фундаментализме в философии и даже таких экзотических идеях, как академический [2, с. 47] и мужской фундаментализм. Значение термина настолько пролиферировало по сравнению с первоначальным объемом понятия, что перед словом «фундаментализм» нависла угроза превращения в пейоративный ярлык, используемый для клеймения обскурантистским клеймом не нравящихся автору мнений, течений и движений, но при этом термин практически теряет свое самостоятельное, устойчивое значение, а значит, и статус термина.

На это обращает внимание И.В. Симонов: «Слишком широкая и многозначная трактовка понятия «религиозный фундаментализм» (когда фундаменталистами именуют и любых экстремистов, использующих религиозную лексику, и неэкстремистов — «ревнителей древнего благочестия», и просто противников радикального религиозного модернизма и радикального экumenизма) особенно неприемлема сегодня, когда данное выражение стало активно применяться в политической сфере» [3, с. 21–27]. И.В. Симонов отмечает, что клеймо фундаментализма активно и, зачастую, бездумно используется в публичной политической борьбе. Например, негативно настроенные по отношению к Русской Православной Церкви политические и церковные деятели, такие, как украинский публицист Ю. Черноморец, пугают своих читателей оборотами «наступление православного фундаментализма», называют Патриарха Кирилла «фундаменталистом»¹, пользуясь тем, что благодаря деятельности исламских фундаменталистов на Ближнем Востоке в последние десятилетия за фундаменталистами тянется ярко выраженный негативный шлейф радикализма и обскурантизма.

В данной статье автор постарается очертить четкую и обоснованную границу применения понятия «фундаментализм» с целью возвращения ему размывающегося статуса научного термина.

Для этого обратимся к истории становления и развития термина.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ФУНДАМЕНТАЛИЗМА

Термин «фундаментализм» к концу XIX в. являлся весьма узкоспециальным богословским понятием, обозначавшим в экзегетике буквальный подход к толкованию религиозных текстов в противовес характерному для эпохи Просвещения вольному толкованию, концентрировавшемуся на этическом смысле христианского вероучения.

Начало осмыслению фундаментализма в современном смысле этого слова положили так называемые «Ниагарские конференции», на которых собирались и формировали свою позицию противники модернизации евангелического вероучения. В 1910–1915 гг. был издан двенадцатитомный труд под названием «Основы» (The Fundamentals), сборник статей с изложением евангелического вероучения и критикой «новомодных идей» «высшего критицизма», либеральной теологии, католицизма, социализма, атеизма, учения мормонов, спиритизма, теории эволюции и др., основана Всемирная христианская фундаменталистская ассоциация, которая объединила различные евангелические организации.

Основными положениями, которые объединяли фундаменталистов, была непререкаемая вера в непогрешимость Св. Писания, непорочное зачатие Христа, искупление на кресте Христом грехов людей, его телесное Воскресение, подлинность всех библейских чудес. Никаких иносказаний, метафорических интерпретаций сакрального текста не допускалось.

Первая мировая война принесла многим разочарование в идее прогресса, что в некоторой степени вдохновило фундаменталистов, но стоит отметить, что в Америке влияние этого фактора было значительно ниже, чем в Европе, к тому же американские фундаменталисты никогда не представляли собой единую силу, многократно делившись на различные направления. К 30-м годам XX в. более умеренные евангелисты начали отмежевываться от евангелистов, толчком к этому послужил печально известный «Обезьяний процесс» в Дейтоне, штат Теннесси (США) в 1925–1926 гг., когда фундаменталистам удалось в суде протолкнуть запрет на преподавание теории эволюции в школе.

Американский исламовед Дж. Эспозито характеризует фундаментализм как анахроническое и обскурантистское движение, представляющее собой реакцию на широкую вол-

¹ URL: <http://naukavestnik.ru/doc/gv1802Simonov.pdf>

ну либерализации и демократизации религии и околорелигиозной жизни [4, p. 15].

Любопытно, что Эспозито в тексте 1992 г. «Исламская угроза: миф или реальность?» говорил о том явлении, которое мы характеризуем как исламский фундаментализм, скорее как об «исламском возрождении» или «исламском активизме» [5, p. 7–8]. Он уже тогда выражал озабоченность поверхностным и необоснованным использованием термина, которое, по его мнению, было продиктовано формированием исламистской политической системы в Ливии, Саудовской Аравии, Пакистане и Иране. По мнению американского исламоведа, для исламской традиции с самых ранних веков характерно наличие разработанной концепции общественного активизма, который обозначается термином таджвид («возрождение») и ислах («реформа, преобразование») и ассоциируется с возвращением к первоначальному состоянию мусульманской общины. Впрочем, происламская позиция Эспозито вызывает критику: например, Д. Хоровиц приводит слова Эспозито о том, что исламская демократия способна привести к высокому уровню участия населения в политической жизни, в отличие от Вестминстерской модели или американской системы, которые слишком сфокусированы на этносе [6]. А печально известный теракт 11 сентября Эспозито объясняет не экстремизмом, а эксплуатацией исламского мира Западом. На этом основании Хоровиц заносит Эспозито в список 101 самого опасного ученого в США. Приведенные Хоровицом цитаты из выступлений и текстов Эспозито наталкивают на мысль о серьезном профессиональном искажении личности у последнего и предвзятости его мнения.

С точки зрения Эспозито, фундаменталистами можно называть тех, кто выступает за возврат к основополагающим религиозным убеждениям. Также американский исследователь подчеркивает, что евангелическое движение в США XX в. оказало огромное влияние на формирование фундаментализма, сделав акцент на принципиальной важности изучения и толкования Библии для жизни христианина. Фундаментализм — реакционное явление и противостоит либерализму.

Самый масштабный исследовательский проект, посвященный фундаментализму, выполнили американские религиоведы Марти и Эпплби с 1987

по 1995 г. Его результаты авторы изложили в пяти объемных томах. Основные тезисы американских исследователей можно изложить в следующих положениях:

Во-первых, фундаментализм всегда имеет религиозную сущность; во-вторых, фундаменталисты самого различного толка фокусируются на избранных фрагментах священных текстов и настаивают на их буквальном толковании, формулируя непререкаемые догматы своего вероучения и строя на них «неприступные бастионы» [7, p. 16–18] вероучения. Во-вторых, фундаменталисты — непримиримые сторонники буквального следования этим положениям, защищая их от попыток реинтерпретации и метафорического понимания, а также они абсолютизируют традицию. В-третьих, несмотря на превалирование фундаменталистов авраамических религий, фундаментализм необязательно привязан к ним. Существуют буддийские фундаменталисты, фундаменталисты-сикхи и другие.

Вместе с тем Марти и Эпплби подчеркивали, что прямой связи между фундаменталистами и насилием нет, фундаменталисты в целом не являются фанатиками, террористами и экстремистами. Также неверно утверждение о том, что фундаменталисты — это всегда социальные или идеологические аутсайдеры, хотя и такие в среде фундаменталистов есть. Связь между культом личности и фундаменталистами также отсутствует: фундаментализм иногда опирается на харизматических и авторитарных лидеров, но, в целом, авторитаризм духовных наставников фундаменталистов может ограничиваться продвижением их специфической интерпретации священного текста или ритуала, которую они считают единственно правильной и «непогрешимой».

Тем не менее фундаменталист противопоставляет себя «безбожному» внешнему миру и воспринимает модернизацию религии и либерализацию общественных институтов вокруг себя как угрозу, с которой нужно активно бороться. Важно отметить, что нельзя воспринимать фундаменталиста как крайнего консерватора (подобную путаницу мы можем встретить достаточно часто в СМИ и публицистике, даже в русскоязычной википедии). Консерватор стремится сохранить существующий порядок, тогда как фундаменталист, напротив, хочет радикального

преобразования действительности, которое он видит в возвращении к истокам веры, а не консервировании существующего порядка вещей. Фундаменталиста отличает активная общественная позиция, для него нет принципиальной грани между личным и общественным (ведь бог всеведущ), между политикой и религией, поэтому политический активизм для фундаменталистов вполне естественен. Фундаментализм видит в либеральной демократии врага или, как минимум, вызов своему идеализированному порядку.

Значимое дополнение делает богослов Дж. Барр, который подчеркивает, что фундаменталист стремится навязать исповедуемые его религиозной группой идеи и ценности другим, в особенности своим единоверцам [8].

Американский историк Дж. Марсден сужает понятие фундаментализма до его исходного североамериканского значения, характеризуя его как рассерженного евангелиста. Марсден пишет: «фундаментализм — это воинствующий антимодернистский протестантский евангелизм... свободная, разнообразная и изменчивая федерация единомышленников, объединенных яростным противодействием модернистским попыткам привести христианство в соответствие с современной мыслью» [9]. Фундаменталист, согласно Марсдену, видит своего врага в первую очередь в модернистской теологии, которую Марсден понимает как систему рационалистических методов интерпретации Священного Писания, позволяющих осмысленный селективный подход к толкованию некоторых его элементов, например, библейских притч и чудес. Также Марсден упоминает, что эта система взглядов на религию подразумевает возможность ошибочности некоторых положений религиозной веры и даже фрагментов текста Библии, воспринимая ее как творение человека, который мог и ошибаться.

Американский публицист Карен Армстронг, известная своими книгами по фундаментализму, определяет его как общественное движение, направленное на сохранение религиозного благочестия и духовной воинственности. При этом Армстронг подчеркивает, что фундаментализм необязательно связан с насилием [10].

Другой исторической формой религиозного фундаментализма, ответственной за его недобрую славу, является исламский фундамента-

лизм. Исламский фундаментализм, особенно его суннитская форма, салафизм, направлен на радикальную «очистку» ислама как вероучения и номократической системы и мусульманской общины («уммы») как социальной реальности от поздних наслоений и изменений («бида»), не соответствующих букве Корана и Сунны в буквальном толковании и духу «праведных» халифов, построению исламского теократического государства («халифат») и подчинению всех мусульман системе религиозно-правовых норм, регламентирующих все ключевые сферы жизни («шариат») в прочтении салафитов.

Особую роль в идеологии салафитов занимает вышеупомянутый термин «бида»: он обозначает новшество (нововведение в жизни, заблуждение в знании, правовое или политическое решение), которого не было в Коране и Сунне. Характеризуется оно резко негативно: «худшими из дел являются [дела] новоизобретенные, а всякое нововведение есть заблуждение!» [11].

Традиционная интерпретация этого хадиса заключается в том, что в исламе недопустимо введение доктринальных новшеств, подрывающих основы исламской веры: нужно следовать Корану и Сунне и избегать нововведений в религиозной жизни, расходящихся с Кораном и Сунной. Но хадис оставляет широкое поле для толкований, так что сам по себе широко известный текст закладывает своеобразную основу фундаментализма.

Исламские фундаменталисты чрезвычайно враждебно относятся к модернизации, либерализации и рационализации духовной жизни. Согласно их убеждениям, либеральные теории способствовали становлению социума, в котором стали нормой эгоизм и неограниченная свобода, однако в подобных условиях люди предаются самым низменным страстям и биологическим инстинктам, а потому такое общество обречено на деградацию и раздоры. Помимо возврата к широкому внедрению норм шариата в общественную жизнь, некоторые радикалы призывают также к имущественному равенству. Это характерно для ваххабитов.

Требование подчинения воле большинства, фундаментальное для либеральной демократии, прямо противоречит идеологии исламского фундаментализма, которую можно сформулировать как: «за Бога не голосуют, Богу подчиняются».

Можем ли мы назвать обоснованным расширение понятия «фундаментализм» за пределы североамериканской евангелической традиции? Исходя из вышеизложенного, мы можем отчетливо видеть общую сущность как американского евангелического фундаментализма, так и исламского салафизма: не признавать исламский фундаментализм представляется таким же необоснованным решением, как и не признавать конфуцианство или локаяту философией только на основании того, что в китайском и санскрите термина, соответствующего философии, нет (и то для санскрита это спорно, так как есть слово «дхарма»).

ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ

Логически возможно сделать следующий шаг и расширить понятие фундаментализма на нерелигиозные сферы жизни. Примером может служить рыночный фундаментализм, который опирается на неолиберальную политическую идеологию [12, с. 27–49]. Неолибералы считают, что любое вмешательство государства в экономику приводит к негативным последствиям, так как локусом человеческого совершенства является «невидимая рука рынка», которая является наилучшим регулятором экономики и даже общественных отношений. Ни один орган государственной власти не может сравниться с объективным рыночным механизмом по эффективности и скорости принятия решений. Частная собственность и управление всегда эффективнее государственной собственности и управления, следовательно, снижение налогов, сборов и пошлин ведет к более эффективной экономике, поскольку частные собственники всегда тратят деньги более эффективно, чем государство. Любые попытки регулирования экономики ведут к созданию вредоносной административной ренты, а социальное государство порождает паразитов и неэффективность. Протекционизм и субсидии вредны, так как снижают конкурентоспособность бизнеса, который «подсаживается» на иглу субсидий и более не может с нее «слезть», переключившись на административную ренту вместо создания конкурентоспособной продукции. Дж. Стиглиц называл эту идеологию религией, потому что она не была основана на экономической науке или исторических свидетельствах: «с исторической

точки зрения, именно рыночный фундаментализм был превалирующей религией Запада на протяжении четверти века» [13, р. 345–360]. Рыночные фундаменталисты буквально воспринимали модель «невидимой руки рынка» практически как реальную сущность и следуют буквальному толкованию излюбленных ими фрагментов из трудов классической экономической теории (иронично, что сам Адам Смит подчеркивал ограниченность своей модели). На основании этого рыночные фундаменталисты требуют радикального решения сложнейшего клубка социально-экономических проблем, с которыми столкнулась мировая и национальные экономики к 1970-м путем возврата к упрощенному, идеализированному прошлому, в котором этих проблем не было, через демонтаж кейнсианского социального государства всеобщего благоденствия. Рыночный фундаментализм, безусловно, является одной из форм фундаментализма и несет в себе все сущностные черты последнего.

Необходимо отметить: неверным является отождествление фундаментализма с консерватизмом и характеристика первого как крайней, радикальной формы последнего. Консерватор стремится сохранить существующий порядок вещей и следовать традиции. Фундаменталист, напротив — пламенный реформатор. Фундаменталист воспринимает мир вокруг себя как греховный, неправильный, и стремится к его радикальному изменению путем возвращения к основам, истокам религии. С этой целью фундаменталисты фокусируются на определенных, избранных ими текстах, формулируют систему их буквальной интерпретации и строят вокруг этого буквалистского толкования неприступную догматическую крепость, объявляя именно свое толкование единственно верным и свою доктрину непогрешимой. Фундаменталист остро переживает низвержение сакрального в ходе реформ и либерализации как общественной жизни вообще, так и религии в частности. Особенное недовольство фундаменталиста вызывает выдавливание религии в ходе триумфального шествия проекта Просвещения из публичной сферы в частную, профанация сакрального и секуляризация в целом. Мышление фундаменталиста носит синкретический, домодерновый характер, в нем отсутствует закрепившееся в ходе модернизации четкое

разделение духовной сферы на политическую, экономическую, религиозную и другие — для фундаменталиста это все стороны одного и того же божественного замысла, именно поэтому он сознательно и бессознательно стремится вернуть это единство, вернуть религию в политику и публичную сферу.

ВЫВОДЫ

Фундаментализм — это ответ на вызов модернизации, но своеобразный. В отличие от консерваторов, которые хотят сохранить существующий порядок вещей, фундаменталист хочет радикального преобразования человека и общества, но в соответствии с идеализированным образом прошлого. Решение острых личностных, социальных и даже политических проблем фундаменталист видит в возврате к упрощенному, идеализированному прошлому, когда этих проблем не было. Ярким примером является представление рыночных фундаменталистов о том, что причина социально-экономических проблем и финансовых кризисов в отходе от принципов классической экономики, вмешательство человека в работу «невидимой руки рынка», которая все расставит на свои справедливые места. Исходя из вышеизложенного, мы можем заключить, что фундаментализм — антимодернистский ответ на

модернизацию. «Фундаментализм — это продукт современности, поскольку он не просто защищает традицию, но акцентирует, упрощает ее, подавая в средствах массовой информации»² — резюмирует Э. Гидденс.

В силу вышеизложенного фундаменталистская идеология стремится к преобразованию многих или всех сфер действительности, тем не менее фундаментализм всегда так или иначе связан с религией. Именно поэтому рыночными фундаменталистами чаще всего становятся именно люди, исповедующие евангелические учения. Даже в экономической теории фундаменталисты находят избранные тексты «священного учения», основополагающие идеологемы и сакрализуют их: например, рыночные фундаменталисты поступают так с «Исследованием о природе и причинах богатства народов» Адама Смита.

Дальнейшее расширение объема понятия «фундаментализм», например, мужской фундаментализм или характеристика Патриарха Кирилла как фундаменталиста представляется журналистским штампом, не обоснованным сущностью явления и используемым, как правило, для очернения предмета полемики.

² URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/1/chto-zavtra-fundamentalizm-ili-solidarnost.html>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Smith D. G. Economic fundamentalism, globalization, and the public remains of education. *Interchange*. 1999;(30):93–117. DOI: 10.1023/A:1007577616645
2. Заболотная Г.М., Якупов В.Ш. Фундаментализм: природа и проявления в современном обществе. *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. 2016;(2):47.
3. Симонов И.В. Религиозный фундаментализм и религиозный традиционализм: к вопросу о корректном употреблении терминов. *Гуманитарный научный вестник*. 2017;(11):21–27.
4. Esposito J. L., Voll J. O. Islam and Democracy. New York and Oxford. *Oxford University Press*; 1996. 321 p.
5. Esposito J. L. The Islamic threat: myth or reality? New York and Oxford. *Oxford University Press*; 1992. 318 p.
6. Horowitz D. The Professors: The 101 most dangerous academics in America. Simon and Schuster; 2013. 248 p.
7. Appleby R. S., Marty M. E. Fundamentalism. *Foreign policy*. 2002;(128):16–18.
8. Barr J. Escaping from fundamentalism. London: SCM Press; 1984. 195 p.
9. Marsden G. M. Fundamentalism and american culture. Oxford: Oxford University Press; 2006. 324 p.
10. Армстронг К. Битва за Бога. История фундаментализма. М.: Альпина нон-фикшн; 2013. 502 с.
11. «Сахих» Имама Муслима. Краткое изложение, составленное имамом аль Мунзири. М.: УММАН; 2011. 186 с.
12. Челищев В.И. Либерализм — неолиберализм — рыночный фундаментализм: от концепции свободы к тоталитарной догме. *Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология*. 2015;(4): 27–49.
13. Stiglitz Joseph E. Moving beyond market fundamentalism to a more balanced economy. *Annals of Public and Cooperative Economics*. 2009;(80:3):345–360.

REFERENCES

1. Smith D. G. Economic fundamentalism, globalization, and the public remains of education. *Interchange*. 1999;(30): 93–117. DOI: 10.1023/A:1007577616645
2. Zabolotnaya G. M., Yakupov V. Sh. Fundamentalism: Nature and manifestations in modern society. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tyumen State University. Social, economic and legal research*; 2016; (2):47. (In Russ.).
3. Simonov I. V. Religious fundamentalism and religious traditionalism: On the issue of the correct use of terms. *Gumanitarny nauchny vestnik = Humanitarian Scientific Bulletin*. 2017;(11):21–27. (In Russ.).
4. Esposito J. L., Voll J. O. Islam and democracy. New York and Oxford. Oxford University Press; 1996. 321 p.
5. Esposito J. L. The Islamic threat: myth or reality? New York and Oxford. Oxford University Press; 1992. 318 p.
6. Horowitz D. The Professors: The 101 most dangerous academics in America Simon and Schuster; 2013. 248 p.
7. Appleby R. S., Marty M. E. Fundamentalism. *Foreign Policy*. 2002;(128): 16–18.
8. Barr J. Escaping from fundamentalism. London: SCM Press; 1984. 195 p.
9. Marsden G. M. Fundamentalism and American Culture. Oxford: Oxford University Press; 2006. 324 p.
10. Armstrong K. The Battle for God. History of fundamentalism. M.: Alpina non-fiction. 2013. 502 p. (In Russ.).
11. Sahih of Imam Muslim. A summary compiled by Imam al-Munziri. Moscow: UMMAH; 2011. 186 p. (In Russ.).
12. Chelishchev V. I. Liberalism – neoliberalism – market fundamentalism: From the concept of freedom to totalitarian dogma. *Vestnik Moskovskogo universiteta = Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science*. 2015;(4):27–49. (In Russ.).
13. Stiglitz Joseph E. Moving beyond market fundamentalism to a more balanced economy. *Annals of Public and Cooperative Economics*. 2009;(80:3):345–360.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Алексей Викторович Волобуев — доцент кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Alexey V. Volobuev — Assoc. Prof. at the Department of Humanities, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
avvolobuev@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.06.2024; принята к публикации 11.07.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.06.2024; accepted for publication on 11.07.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.